

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ СЕКСУАЛЬНОЙ И РЕПРОДУКТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ

М.А. БЕЛЯЕВА

Поддерживая инициативу Е.А. Кащенко и других заинтересованных ученых о необходимости становления отечественной сексологии как области социально-гуманитарного знания, исследующей феномен человеческой сексуальности, мы бы хотели принять участие в предлагаемой дискуссии и обратить внимание на проблему соотношения сексуальной и репродуктивной культуры.

Сексуальное поведение – неотъемлемый атрибут человека, который за время своей истории породил многие духовные и материальные артефакты, позволяющие рассматривать сексуальность как важную составляющую культуры, не сводимую к биохимии и механике физиологических процессов.

Сексуальная культура относится к важнейшим понятиям, раскрывающим содержание сексуального поведения, его социокультурные регуляторы. Под сексуальной культурой Е.А. Кащенко понимает *«часть общей культуры, способ утверждения человека в социокультурном окружении посредством полового поведения, направленного на продолжение рода, удовлетворение биосоциальных потребностей, гедонистических, нравственных, эстетических интересов, познавательных, коммуникативных, компенсаторных, созидательных запросов»*¹. На наш взгляд, это – образец классического понимания сексуальной культуры как способа реализации многих человеческих потребностей, в ряду которых традиционно на первое место ставится потребность продолжения рода.

Но в реальной жизни современного человека его сексуальные и репродуктивные цели пересекаются редко. Признание отделения сексуального поведения от репродуктивного И.С. Кон расценивает как первый и самый важный сдвиг в сексуальном дискурсе XX века². Существует точка зрения, согласно которой именно эта особенность человека является возможной движущей силой его эволюции. Действительно, тенденция разделения сексуального и репродуктивного поведения набирает обороты и носит необратимый характер, поэтому логично предположить, что сексуальная культура и культура репродуктивного поведения постепенно автономизируются друг от друга.

Сексуальная культура призвана регулировать сексуальное поведение, которое за счет прямого использования тела (своего или чужого) и (или) его образов преследует разные цели – от простых вариантов физической релаксации, чувственного наслаждения, любопытства, самоутверждения, компенсации иных способов эмоционального

удовлетворения до наивысшего достижения — ощущения полного психофизического и духовного слияния с другим человеком, обретения сверхжеланного фантома преодоления экзистенциального одиночества. Этому разбросу целей соответствуют разные уровни сексуальной культуры, представляющие собой своеобразные рационально-эмоциональные конструкции, скомбинированные из степени информированности, умений, отношений, стремлений конкретных мужчин и женщин.

Репродуктивная культура также представляет собой многоуровневые «личностные инсталляции», но ее назначение принципиально иное. Чтобы продемонстрировать это, следует уточнить, что в нашем понимании **репродуктивное поведение есть система действий и отношений, направленных на регуляцию индивидом собственной фертильности для удовлетворения потребностей, связанных с наличием или отсутствием детей в рамках имеющихся биологических, социальных и культурных условий.** В репродуктивном поведении, так же, как и в сексуальном, человек использует физические возможности тела (своего и чужого), чтобы реализовать многоликие физиологические, эмоциональные, экономические и духовные потребности путем решения двух взаимоисключающих задач: не допускать начала новой жизни или, наоборот, реализовать свое стремление к рождению ребенка.

Таким образом, репродуктивная культура или, как синоним, культура репродуктивного поведения в своем содержании демонстрирует дуализм пронатальной (продетной) и антинатальной (антидетной) составляющих. *Пронатальная* составляющая объединяет социокультурную регламентацию усилий, направленных на рождение детей: подготовка к зачатию, беременности, родам, лактации. *Антинатальная* составляющая направлена на противодействие фертильности, ее «блокирование», с целью поддержания обратимой или необратимой инфертильности, т.е. бесплодия. В конкретный момент жизни каждый половозрелый индивид репродуктивного возраста сознательно или стихийно реализует либо ту, либо другую составляющую культуры репродуктивного поведения. Пронатальную и антинатальную составляющие репродуктивной культуры мы рассматриваем как операционально-технологические комплексы, т.е. наборы знаний, умений, материальных средств, основанных на достижениях современной науки и реализуемых индивидом в рамках определенного алгоритма самостоятельно или с привлечением медицинских и психолого-педагогических услуг. Объединяющим началом этих противоположных по своему смыслу составных частей (блоков) репродуктивной культуры является общий блок, который мы назвали — *ментальным*. Он выполняет роль ядра, объединяющего ценности (витальные, социальные, нравственные), нормы (этические, медико-

биологические, правовые, этнографические), специальные знания и умения, определяющие отношение индивида к собственной фертильности, его выбор тех или иных репродуктивных стратегий³.

Репродуктивная культура в ее современном виде служит средством снижения биосоциальных рисков, связанных с деторождением, а также средством освобождения сексуальных отношений от страха возможных репродуктивных итогов этих отношений. Но освобождение от страха не есть освобождение от ответственности, поскольку в своей технологической части репродуктивная культура построена на сознательных самоограничениях, самоконтроле, строгой организации и дисциплине, позволяющих не выпустить до поры до времени «джина из бутылки».

Необходимые знания, умения, нормы, ценности, регулирующие возможность продолжения рода, далеки от мира сексуальных переживаний, они предназначены для того, чтобы с наименьшими потерями и с наибольшей эффективностью использовать тело в качестве средства производства другой человеческой жизни. Только в одной точке – зачатии – сфера репродукции и сексуальности сливаются воедино, в остальных репродуктивных событиях сексуальные образы и переживания присутствуют не более, чем в любой другой поведенческой сфере, и зависят от степени эротизации сознания.

Мы не ставим себе задачи проследить детальное различие сексуальной и репродуктивной культуры на уровне ценностей, норм, знаний, умений, но в качестве примера заметим, что обеспечение сексуального удовлетворения как показателя владения сексуальной культурой не имеет значения для культуры репродуктивного поведения, поскольку отсутствует взаимосвязь между достижением оргазма и вероятностью оплодотворения, более того: *«...опьянение сексуальностью снижает критическое восприятие партнера и несет потенциальную угрозу жизнестойкости потомства»*⁴.

Обладая высокой сексуальной культурой, индивид в отношении репродуктивной культуры может иметь фрагментарные представления, и наоборот, образцовое владение репродуктивной культурой может сочетаться с сексуальной безграмотностью. Назначение репродуктивной культуры локально привязано к репродуктивному возрасту, тогда как востребованность сексуальной культуры зависит от личных устремлений и образа жизни.

Возникает вопрос, почему, несмотря на объективные различия, удовлетворение потребности в продолжении рода автоматически связывают с сексуальным поведением и регулирующей его сексуальной культурой? На наш взгляд, потому, что тенденция разделения сексуального и репродуктивного поведения пока носит больше теоретический, чем практический характер. В реальной жизни их нераз-

рывная природная обусловленность дает о себе знать миллионами нежелательных беременностей — 55 млн. аборт в год⁵. Эти цифры говорят о том, что 55 млн. человек не преследовали репродуктивных целей, но при этом не имели возможности или желания отделить сексуальное поведение от репродуктивного.

Если бы не было этой природной взаимосвязи, уровень рождаемости в нашей стране с учетом существующих низких репродуктивных установок был бы еще ниже, так как для определенной части людей рождение детей оказывается случайным результатом биологически закономерной связи сексуального и репродуктивного поведения. Чтобы эти сферы действительно автономизировались друга от друга необходимо:

- 1) осознание фертильности как особого компонента человеческой телесности, несущего в себе разнообразные биологические и социальные риски;
- 2) признание индивидуального контроля над фертильностью общепринятой нормой;
- 3) наличие ценностно-нормативных регуляторов и технологических возможностей, определяющих целесообразность и осуществимость такого контроля.

В современном обществе (как в глобальном, так и российском масштабах) ни один из этих пунктов не обрел реальной силы. И это скорее хорошо, чем плохо, так как без надлежащего ценностного обоснования социокультурных норм, регулирующих степень вмешательства человека в процессы репродукции, автономизация сексуального и репродуктивного поведения приведет к катастрофическим последствиям (в том числе к вымиранию человека как вида).

Сегодня фертильность, являющаяся биологической основой репродуктивного поведения, его базовым структурным элементом, воспринимается, прежде всего, как комплекс анатомо-физиологических характеристик, обеспечивающих физическую возможность продолжения рода. Данное понятие используется в медицинском контексте, где главное значение имеет контроль над ее состоянием в границах «здоровье — болезнь».

Но репродуктивная система, обеспечивающая фертильность, это особая подсистема организма, в том смысле, что ее функционирование не имеет принципиального значения для поддержания гомеостаза в организме, оно, по сути, защищает интересы неких других индивидов, давая им шанс появиться на свет, т.е. направлена на реализацию не индивидуальных, а видовых потребностей. При этом конкретный человек может воспринимать свою фертильность либо как потенциальную способность для творческой самореализации и удовлетворения широкого круга потребностей, либо как угрозу

собственному существованию, приводящую к изменениям социального статуса, образа жизни, ограничению физических и социальных возможностей, так что обладать фертильностью, этой составной частью нашей телесности, — значит обладать инструментом власти и одновременно потенциальной ловушкой невольной зависимости от другого существа, которую можно либо принимать, рожая детей, либо предупреждать.

Для предупреждения данной зависимости существует только два пути: а) не вступать в сексуальные отношения; б) сознательно блокировать фертильность, не позволяя сексуальным отношениям перейти в репродуктивную плоскость и не давая шанса возникнуть и появиться на свет новой, генетически уникальной жизни.

Признание необходимости индивидуального контроля над фертильностью для каждого половозрелого индивида сегодня не является общепринятой нормой. Проблема интервенции человека в сферу продолжения рода остается дискуссионной. Это место столкновения различных мировоззренческих позиций: светской и религиозной, феминистской и традиционалистской, патриотической и космополитической, научной и обывательской. В частности, активно заявляет о себе позиция, поддерживаемая Русской Православной Церковью и состоящая в том, что разделение сексуального и репродуктивного поведения ведет к безнравственности и падению рождаемости. Идеология сознательного контроля фертильности не имеет таких ярких проводников и потому проигрывает, проигрывает она еще и потому, что не исключает аборт как вполне легитимной меры устранения репродуктивных последствий сексуальных отношений.

Что касается иных технологических возможностей отделить сексуальные отношения от продолжения рода, то предлагаемые современной контрацепцией средства и методы имеют целый ряд ограничений, и каждый отдельно взятый метод «хромает» с точки зрения либо его эффективности, либо безопасности, либо удобства применения, либо с этической точки зрения (абортивный эффект), либо с экономической (дорогостоящий) и т.д. Уровень доступности методов контрацепции также сопряжен с ограничениями в виде информационных, экономических, национально-культурных, религиозных и иных барьеров, существующих как у нас в стране, так и в других странах.

С точки зрения российского законодательства, контрацепция — это разрешенный репродуктивный выбор, но не более того, так как обратная ситуация — незащищенный (от возможной беременности и заболеваний, передающихся половым путем) половой акт не считается преступлением против личности и не осуждается со стороны общественного мнения, т.е. неразделенность сексуального и репродуктивного поведения, их естественный союз остается обыденной нормой.

Но на уровне научных построений, вероятно, уже некорректно приравнивать одно к другому, поэтому, на наш взгляд, прокреационные цели следует оставлять за бортом потребностей, удовлетворение которых регулируется сексуальной культурой.

Сексуальная культура и репродуктивная культура когда-то составляли единое целое. Это «когда-то» совпадает с тем историческим временем, на протяжении которого половое влечение рассматривалось как средство и необходимое условие продолжения рода, другие потребности, удовлетворяемые за счет сексуальной активности, если не отрицались, то воспринимались как вторичные. Сегодня, если мы говорим о смене «прокреационной модели сексуальности на рекреационную»⁶, следует признать наличие двух самостоятельных видов поведенческой культуры, которые сосуществуют в рамках культуры повседневности. Их разделение есть закономерный итог изменения функционального назначения сексуального поведения и репродуктивного поведения, а вместе с тем и их нормативного регулирования.

Первое подчинено интересам личности, ее физическим и духовным потребностям, тогда как второе – это предусмотренное природой самоотречение в пользу интересов рода, доминирование коллективного «Мы» над индивидуальным «Я». Благодаря социокультурным регуляторам такое самоотречение приносит некие дивиденды и личности, но, судя по суммарному коэффициенту рождаемости, консенсуса между общественными и индивидуальными потребностями удастся достичь не более чем 1,49 раза за всю жизнь в расчете на одну женщину репродуктивного возраста.

Таким образом, несмотря на обозначенные препятствия в реализации наметившейся тенденции разделения сексуального и репродуктивного поведения, это две разные сферы. Сфера репродукции связана с сексуальной активностью только в момент зачатия, а при определенных условиях (применение технологий вспомогательной репродукции) может быть совершенно от нее изолирована. Поэтому сексуальное поведение должно регулироваться сексуальной культурой, а за воспроизводство человека как биологического существа должен отвечать особый сегмент общечеловеческой культуры – культура репродуктивного поведения (репродуктивная культура), содержательная модель которой была представлена выше.

Репродуктивную культуру можно рассматривать в качестве технологии, которая отделяет потребность продолжения рода от других потребностей, реализуемых за счет сексуальной активности. Стремление общества, а затем и индивида, регулировать процесс биологического воспроизводства человека привел к «настороженным отношениям» с фертильностью, которую сегодня предпочитают держать в состоянии

«спящей красавицы», создавая продолжительную искусственную инфертильность, что становится проблемой с далеко идущими последствиями. Поэтому сверхзадача ближайшего развития репродуктивной культуры — осознать, как регулировать фертильность, не убивая ее на корню и находя баланс между общественными и индивидуальными потребностями продолжения рода; тогда как сверхзадача сексуальной культуры — находить конструктивные пути удовлетворения сексуального влечения без ущерба для физического, эмоционального, духовного состояния личности и качества брачно-семейных отношений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кащенко Е.А. Сексуальная культура // *Философские науки*. 2010. № 4. — С. 80.

² Кон И.С. Сексуальность и репродукция // *Междисциплинарные исследования: Социология. Психология. Сексология. Антропология*. — Ростов н/Д., 2006. — С. 355.

³ Беляева М.А. Культура репродуктивного поведения в контексте междисциплинарного синтеза. — Екатеринбург, 2010. — 176 с.

⁴ Азарков С.Т. Эволюционная теория и нарциссизм // *Философские науки*. 2010. № 4. — С. 97.

⁵ Юсупова А.Н. Аборты в России / под ред. В. Ю. Альбицкого. — М.: ГЭОТАР-МЕД, 2004. — С. 22.

⁶ Щеглов Л.М. Эрос в зеркале культуры // *Философские науки*. 2010. № 4. — С. 92.

Аннотация

В статье рассматриваются цели сексуального и репродуктивного поведения, автор дает собственное определение репродуктивному поведению, моделирует структуру регулирующей его культуры — репродуктивной культуры и акцентирует внимание на необходимости ее дифференциации от сексуальной культуры.

Ключевые слова:

сексуальное поведение, сексуальная культура, репродуктивное поведение, репродуктивная культура, фертильность.

Summary

The article reveals aims of the sexual behavior and reproductive behavior, the author defines the reproductive behavior, models the structure of the reproductive culture and emphasizes the necessity of its separation from the sexual culture.

Keywords:

sexual behavior, sexual culture, reproductive behavior, reproductive culture, fertility.